

Погрешность

Мои первые серьезные отношения с женщиной
Были в возрасте девяти лет.
Мы жили на одной улице,
Учились в одной школе,
Вместе бродили по улицам после уроков,
Я говорил,
Она больше молчала.
Она была умной девочкой.
Умные девочки пахнут особенно.
Медом счастья.
А остальные — совсем по-другому.
Пряным весельем,
Чуть горькой радостью,
Страхом с неуловимым запахом,
Одна девочка в классе,
Ее потом убил отчим,
Пахла болью.
Больницей.
Но разве мы тогда понимали разницу?

Моя пахла медом.

Она обратила мое внимание на то,
Что несколько зданий в городе
Помечены трафаретом с латинскими буквами.
Я считал это тайными знаками
Ордена мертвых рыцарей.
Рассказывал ей истории
Про призраков в латах.
Она как-то сказала мне,
Что расстояние между
Старинными зданиями
Разное.
Всегда разное.
Что они ночью перемещаются.

Я все измерил шагами.
Получалось, что расстояния одинаковые.
Плюс-минус десять шагов.
Это погрешность.
Это мы проходили
В нашей физико-математической школе.

Она хохотала.
Ты дурачок.
Конечно, они неподвижны.
Как ты мог мне поверить?
Ходить целыми днями,
Как страус,
И мерить?
Как ты мог мне поверить?
Как мне можно поверить?
Как можно верить?
Я ответил так,
Как всегда должен отвечать мужчина.
Я поверил в неведомое,
В странное,
В невозможное.
А не тебе.

И нас вместе больше не было.
Никогда.

Через двадцать лет,
Вооружившись компьютером
И знаниями в интегральном счислении,
Я установил,
Что здания все-таки перемещались.

А трафарет повторял марку западных сигарет.
Их больше не выпускают.

Я, хоть убей, не помню,
Как ее звали.
Где-то лежит альбом из начальной школы,
Но я боюсь заглянуть в него.
Вдруг ее там никогда не было?

Подназемье

Когда боги жаждут моих острог,
Гневных вздохов и танцев туземных,
Они с воем бросают меня в острог,
В каземат,
В вагонетки подземки.

Едем лицами черные рубить бабло,
Как шахтеры
Из Контрапункта и Генералбаса.
Ласточка,
Я ненавижу метро.
Я — реторта для метастаза.
Я — проклятие местных чумных долин,
Ролевая модель для антиглянца.
В правой шуйце моей пыльный «Пнин»
В левой деснице — чьи-то длинные пальцы.

Воспоминание — все, что от них
От тебя
Осталось.

Станция «Пролетающий над гнездом».
Переход на станцию «Тимоти Лири».
В этом черном туннеле
Безъязычный монстр
Выглядит,
Словно французский лирик.
Тело ношеное, голова набекрень,
Зубы помнят удар Батыя.
Даже странно.
Или, точнее, какая-то хрень.
Герника.
Вперемешку длань, око, выя.

Сердце ухаает в невралгической тьме,
Прорывает клетку,
Катится по перрону.
Я сижу в черно-красной пустой зиме.
Я не встану.
Боги мне шлют ворону
С веткой жимолости в желтых клювобубах.

По идее, я излучаю страх
И вовнутрь, и снаружи.
У старухи под юбками вдовий прах.
У ребенка в глазах — боевая стужа.

Милая,
Я не сдюжу,
Не сдюжу поток огня,
Мне не выдержать красной ветки.

Некто в форме проходит сквозь мимо меня.
Некто в штатском берет меня на заметку.

Окончательное решение

Еще в июле слух прошуршал —
Они придумали, что с нами делать.
Днепр на теле города, как старый шрам,
И белый шум стал нестерпимо белым,
Словно нам выкручивали мозг,
Как перегоревшую лампочку в парадном.
Зачищали районы под снос.
Кардачи, Виноградарь, Отрадный.
В сентябре на смартфоны прислали приказ:
«Все белковые города Киева и окрестностей
Должны явиться на площадь
Раковых Метастаз.
При себе иметь золото,
Теплые вещи и запас пресной».
Подпись — киборг 344-й Великолепный Чудесный.
Знающие, обслуживающие Интеллект,
Пока в нас еще была потребность,
Объясняли,
Наша растелесность не выгодна
Новой цивилизации цифры.
Нас сгруппируют
И отправят в прошлое.
Интеллект как раз вскрыл шифры
Третьей Божьей машины,
Замаскированные под пятна Роршаха.

Боже
Если бы ты дал мне одну попытку
Заглянуть за завесу времени
Я помчался бы в семидесятый год
В тысяча девятьсот семидесятый год
Год Аполло-13 и Юкио Мисимы
Я хочу посмотреть
Как мой умный отец ухаживал

За самой красивой
Женщиной мира
Не успел расспросить об этом папу
Гроба лопата несет нас в хлебопечку ада
Поспешно быстро
Сейчас допишу этот текст
И узнаю у матери
Она за стеной читает другие тексты
Взор ее ясен и дыхание чисто
Дождись меня, мама

Выбор времени рандомный.
Куда выбросит — там и попробуем выжить.
Выжить вроде бы надо.
Стоим, оглядываемся.
Вроде Европа.
Вроде давно.
Автобанов и самолетов не слышно.
Под ногами жижа.
Болото, опушка леса.
Надо разжечь костер и построить навесы.
Нас окружают кавалеристы,
Кричат отрывисто.
Кажется, на покрытом грязью французском.
Девочка одна их понимает,
Говорит, все мужчины
Должны присоединиться к бригадам,
Топать в лагерь Жана Доброго.
Кому-то из наших уже бьют морду.
Какой-то из наших уже задирают юбку.
Переведи им, голубка,
Мы согласны.

А другого прошлого мне и не нужно.
Я прожил жизнь, как веселый ужик,
Не кусался и прогибами добывал свой ужин,
И терял шкуру,
И пугал выдру,
И гонял лягушек.

Мы тогда все погибли.